

А.А. Ясинский

Медицина в «Тикусай-моногатари»

Аннотация. Сочинение кана-дзо:си «Тикусай-моногатари» (1623 г.) обладает ярко выраженным юмористическим и пародийным характером. Это относится и к медицинским фрагментам, призванным, как считается, в первую очередь насмешить читателя. В подтверждение этому часто указывается на текстологическое сходство медицинских новелл «Тикусай-моногатари» с рассказами из сборника «Сэйсуйсё:» (1623 г.) авторства Анракуан Сакудэн (1554—1642). Однако Томияма До:я (1584—1634), автор «Тикусай-моногатари», сам был врачом, обучался медицине у Манасэ Гэнсаку (1549—1632), одного из виднейших врачей начала XVII в., а потому, указывая исключительно на развлекательность медицинских новелл в «Тикусай-моногатари», исследователи словно бы отказывают Томияма в возможности сказать свое слово о современной ему медицине. Конец XVI в. был отмечен становлением новой японской медицины, и ведущую роль в нем сыграл Манасэ До:сан (1507—1594). Новый подход До:сан обнаружил, что ни сколько-то опытных врачей, ни актуальных медицинских трактатов в Японии той поры не было. Заимствуя знания из китайских трактатов, наводнивших японский книжный рынок в 1590-х гг., японцы осваивали новый материал, что, как можно судить по «Тикусай-моногатари», продолжалось и в 1620-е гг., причем не во всем успешно. Тикусай сталкивается со множеством болезней — от лихорадки до сифилиса — и нередко исполняет свой врачебный долг благополучно, вылечивая больного. Его успеху сопутствовала удача, и именно она возносила японских врачей начала XVII в.: в период, когда старая медицина была признана неэффективной, а новая еще не окрепла доктринально, именно удача позволяла врачам продолжать заниматься своим делом. Анализ медицинских новелл «Тикусай-моногатари» позволяет проследить историю новой японской медицины; переосмыслить работу Тикусай как врача, представляя ее как вынужденно неумелую в силу ограниченного развития медицинского знания в Японии; понять, кто предполагался в качестве изначальной читательской аудитории «Тикусай-моногатари».

Ключевые слова: японская медицина, эпоха Эдо, Манасэ До:сан, Манасэ Гэнсаку, «Тикусай-моногатари», Томияма До:я.

Автор: Ясинский Андрей Анатольевич, студент магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4). ORCID: 0009-0005-2639-2967. E-mail: ghotwht@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ясинский А.А. Медицина в «Тикусай-моногатари» // Японские исследования. 2025. № 4. С. 73—89. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-73-89.

A.A. Yasinskiy

Medicine in the *Chikusai Monogatari*

Abstract. The *Chikusai Monogatari* (1623) has a distinctly humorous and parodist character. This description also applies to the medical fragments, which are thought to be primarily intended to entertain the reader. In support of this, textual similarity between the medical novellas of the *Chikusai Monogatari* and the stories in *Seisuishō* (1623) by Anrakuan Sakuden (1554—1642) is often pointed out. However, Tomiyama Dōya (1584—1634), the author of the *Chikusai Monogatari*, was a physician himself, having studied medicine with Manase Gensaku (1549—1632), one of the most prominent physicians of the early 17th century. Therefore, noting solely the entertaining nature of the medical short stories in the *Chikusai Monogatari*, researchers seem to deny Tomiyama an opportunity to say something about medicine contemporary to him. The late 17th century was marked by the establishment of new Japanese medicine, led by Manase Dōsan (1507—1594). Dōsan's new approach found that neither any experienced physicians nor up-to-date medical treatises existed in late 16th-century Japan. Borrowing knowledge from the Chinese treatises that flooded the Japanese book market in the 1590s, the Japanese were mastering new material, which, as can be seen from the text of the *Chikusai Monogatari*, continued into the 1620s, even if not always successfully. Chikusai encounters a variety of illnesses, from fever to syphilis, and often successfully fulfils his medical duties by curing the patient. His success was accompanied by good fortune, and it was this good fortune that elevated Japanese doctors in the early 17th century: at a time when old medicine was recognized as ineffective, while new medicine had not yet gained a firm doctrinal footing, it was good fortune that allowed doctors to continue practicing their profession. The analysis of the medical short stories of the *Chikusai Monogatari* allows us to trace the history of new Japanese medicine; to rethink Chikusai's medicine work by presenting it as inept by necessity due to the limited development of medical knowledge in Japan; and to understand who was assumed to be the original readership of the *Chikusai Monogatari*.

Keywords: Japanese medicine, Edo period, Manase Dōsan, Manase Gensaku, Tomiyama Dōya, *Chikusai Monogatari*.

Author: *Yasinskiy Andrei A.*, master's degree student, HSE University (address: 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation).
ORCID: 0009-0005-2639-2967. E-mail: ghotwht@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Yasinskiy, A.A. (2025). *Meditsina v «Tikusai-monogatari»* [Medicine in the *Chikusai Monogatari*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 73—89. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-73-89.

Введение

«Тикусай-моногатари» 竹齋物語 (1623 г.) — одно из ранних произведений канадзо:си, популярных текстов XVII в., получивших широкое распространение среди горожан благодаря развитой ксилографической печати. Этот текст принадлежит Томияма До:я (富山道治, 1584—1634), и посвящен Тикусай, неумелому врачу, путешествующему по Японии в поисках привольной жизни. Описания его методов лечения часто рассматриваются японскими филологами как юмористические, созданные на потеху читательской публике. Задуманы ли автором эти фрагменты как юмористиче-

ские на самом деле, могли ли японские читатели начала эпохи Эдо понять их юмор — этим вопросам и посвящена настоящая статья.

Врачеванию Тикусай посвящено восемь фрагментов, относящихся к пребыванию героя в городе Нагоя. Долгое время эти фрагменты не попадали в поле зрения японских филологов в силу их кажущейся вторичности: похожие истории встречались и в тексте «Сэйсуйсё:» (醒睡笑, 1623 г.), антологии юмористических рассказов, собранных Анракуан Сакудэн (安楽庵策伝, 1554—1642), человеком, занимавшем пост сказителя *отогисю:* (御伽衆) при Тоётоми Хидэёси. Безусловно, ранние тексты *канадзо:си* предназначались для близкого окружения автора или основывались на скандалах, бывших у читателя на слуху. Сверх того, «Тикусай-моногатари» обладает четко выраженным пародийным и юмористическим характером, что определяло позднейшее восприятие этого текста как развлекательного, созданного на потеху читающей публике. Однако Томияма До:я сам был врачом, а потому круг проблем, поднимаемых им в нагойских фрагментах, куда шире, чем может показаться на первый взгляд.

Японская медицина нового времени развивалась стремительно. Тасиро Санки (田代三喜, 1465—1537) обучал Манасэ До:сан (曲直瀬道三, 1507—1594) так называемой медицине Ли Чжу (李珠) — по именам двух ее основателей, Ли Гао¹ (李東垣, 1180—1251) и Чжу Чжэнь-хэна² (朱丹溪, 1281—1358), живших при династиях Цзинь (1115—1234) и Юань (1271—1368)). Про обоих китайских врачей нам известно, что они были, скорее, теоретиками, нежели практиками, отчего позже, в эпоху Адзуты-Момояма (1573—1603), Манасэ До:сан, не согласный с их подходом, выступил против японской средневековой медицины, основанной на буддийском учении, и ратовал за медицину, основанную на наблюдении за реальными больными и ходом их болезней. До:сан снискал особенную популярность, к концу жизни у него было около восьмисот учеников. Уже позже, в эпоху Эдо, его приемный сын и ученик, Манасэ Гэнсаку (曲直瀬玄朔, 1549—1632), сформулировал основные принципы школы Манасэ и изложил их в популярных трактатах, что привело к всенародному признанию медицины Манасэ и появлению новой японской медицины. Радикальный отход от средневековой традиции, объявленный Манасэ До:сан, обнажал главную проблему тогдашней медицины — нехватку врачебного, практического опыта. Безусловно, наблюдение за реальными больными подразумевает более научный подход к излечению болезней, однако таковых настолько много, что их изучение и осмысление требовало немало времени. Недостаточный опыт приходилось восполнять китайскими медицинскими книгами, наводнившими японский книжный рынок уже в конце XVI в. Иными словами, врачам, отвергнувшим какую-либо догматику в области медицины,

¹ Ли Гао уделял особое внимание профилактике желудочных заболеваний, ибо, по его мнению, все болезни человека происходят от нарушения функций желудка и селезенки. В качестве лечения он предлагал отвары из целебных трав, отчего был известен и как травник.

² Чжу Чжэнь-хэн объяснял возникновение различных болезней избытком в организме энергии *ян*, преобладавшей над недостаточной *инь*. Чтобы поддерживать в организме необходимое количество *инь*, по мнению Чжу Чжэнь-хэна, нужно перераспределять пневму-*ци*, содержащуюся в желудке и селезенке. В качестве лечения этот врач часто назначал диету, успокоительные травяные настои или сексуальное воздержание. В силу схожести взглядов Ли Гао и Чжу Чжэнь-хэна на процессы, протекающие в организме, в более поздней традиции их методы стали объединять, называя такую медицину Ли Чжу.

приходилось обращаться к трактатам, чтобы хоть как-то лечить больных. Однако имеющиеся трактаты зачастую были бессильны, или же самим врачам не хватало врачебного опыта, чтобы воспользоваться ими и излечить больного. Новая медицина эпохи Эдо находилась на распутье и, как нам кажется, именно Томияма До:я, ученик одного из творцов новой медицины Манасэ Гэнсаку, ясно видел эту проблему и пародийно отразил в «*Тикусай-моногатари*».

Сифилис в «Тикусай-моногатари»

Обратимся к четвертому нагойскому фрагменту:

Как-то один человек заразился сифилисом. Тикусай дал ему лекарство, после чего составил диету, что можно есть, а что нельзя: «жаркое из коршуна, *суси* из воробья, рассольник из орла, вымоченный в *мисо* ворон, зажаренный целиком лопух, *сасими* из совы, жаркое из кита, зажаренная на вертеле выдра, жаркое из трепанга, козодой во фритюре, лепешки со вьюном, *глаза каминари*, *вши отшельника*, *соленый тэнгу*, это вам только и можно». Что бы Тикусай ни давал больному, болезнь становилась все тяжелее. Сифилис может привести к тому, что нос сгниет и отвалится, а ноги переломаются и вывернутся коленками назад. В большом возбуждении больной прокричал: а по чьей же все это будет вине? Ни сволочи ли той Тикусай? Ах, гадкий Тикусай! — так сильно злился на него. Уж очень обидно стало Тикусай, даже пришлось перехватить черпак поудобнее, после чего он сказал: «Не знающий ничего о вещах не отличается толком от дерева или камня. *Ну-ка, давай я тебе покажу медицинский трактат*», — и достал из бумажного кармашка книгу с пьесой «*Сакура Сайгё*»: «Поглядите же, люди. Как мало бутонов, и ветви пожухли, но нет в том лекаря вины». А еще есть старое изречение, «Опадают лепестки, жухнут ветви, но что толку печалиться об этом?», — после чего как ни в чем не бывало возвратился к себе домой, сочинив хокку.

Опал бутон — опал и нос,
Усохли ветви — не осталось рук и ног.
То хурма ль поспела?

Медицина рода Манасэ зиждилась на трех основных принципах: прописать лекарство, определить диету, следовать трактатам [Matsumoto 2009, p. 3]. С формальной точки зрения Тикусай воплощает эти принципы, хотя в конечном итоге болезнь вылечить не удалось. Думается, что несуразное описание диеты и вызывало смех у читателей, однако здесь стоит обратить внимание на следующее. Текст «*Тикусай-моногатари*» существовал в нескольких вариантах: версия, помещенная в серию «*Нихон котэн бунгаку тайкэй*», относится к 1635 г., когда по требованию издателя текст был значительно переписан. В исходной версии 1623 г. диета была короче: в ней не указывались *глаза каминари*, *вши отшельника*, *соленый тэнгу*, иными словами, блюда, однозначно не существующие в действительности. Видимо, их появление в версии 1635 г. можно объяснить общим стремлением издателя демократизировать текст, сделать его более понятным для широкой читающей публики. А раз в более

поздней версии были добавлены блюда, однозначно трактуемые как абсурдные, вызывающие смех, то суть исходного текста не была понятна читателю. Издателю было необходимо дополнительно маркировать этот фрагмент как «смешной». Значит, стоит поразмыслить над тем, что же могло быть смешного и не до конца понятного в изначальной версии текста.

Первое, что обращает на себя внимание в этом фрагменте, — использование пьесы театра Но: вместо настоящего медицинского трактата. В этом, конечно, можно усмотреть пародийность персонажа Тикусай — чтобы в очередной раз подчеркнуть неумелость его как врача, автор дает ему в руки текст, совершенно не связанный с медициной. Если воспринимать подмену медицинского текста на художественный как юмористический прием, иными словами, не понимать этот фрагмент буквально, словно бы Тикусай и вправду хотел вылечить больного по театральной пьесе, то обнаруживается любопытная деталь: стремление Тикусай лечить именно по медицинским трактатам. Болезнь все же излечить не удалось, а потому этот фрагмент можно было бы трактовать как критику современной Томиама До:я медицины, стремления тогдашних врачей лечить ровно так, как написано в трактатах. Это, как видно из фрагмента, далеко не всегда приводило врача к успеху. Иными словами, установка здесь может быть такова: Тикусай смешон потому, что не смог вылечить человека согласно тогдашним медицинским трактатам. Однако в этом и состоит трудность: а был ли известен японским врачам начала XVII в. действенный способ лечения сифилиса?

Тикусай прописал для лечения сифилиса диету. О том, какую диету стоит прописать пациенту, говорилось в книгах *хондзо:сё* (本草書). Вот их основной перечень.

1. Трактат «Канон Шэнь-нуна о корнях и травах» (神農本草經, «Шэнь нун бэньцао цзин»), написанный алхимиком Тао Хун-цин (陶弘景, 456—536) из царства Южное Ци (南齊, 479—502), в котором были собраны основные представления о медицине к тому моменту: какие растения полезны, какие содержат вредные вещества, а какие и вовсе ядовиты и опасны для человека. «Канон» попал в Японию еще до эпохи Нара, изучался наряду с другими текстами.

2. Трактат «Заново собранные корни и травы» (新修本草, «Синь сю бэньцао»), написанный Су Цзином (蘇敬, 599—674) в 659 г. и привезен в Японию в 721 г.

3. Трактат «Корни и травы при лечебной диете» (食療本草, «Шиляо бэньцао»), написанный Мэн Шэнем (孟詵, 621—713), тоже снискал популярность в Японии.

4. «Классическая классифицированная фармакопея для неотложной помощи» (經史証類備急本草, «Цзин ши чжэн лэй бэй цзи бэньцао»), скомпилированная Тан Шэнь-вэем в 1090 г., а также ее вариации (經史証類大觀本草, «Цзин ши чжэн лэй да гуань бэньцао»), и (政和新修經史証類備用本草, «Чжэнхэ синь сю цзин ши чжэн лэй бэйюн бэньцао»), считалась самым важным для японской фармацевтики текстом. В трактате были обобщены предшествующие знания о лекарственных травах — их полезные и вредные свойства, ареал распространения, особенности сбора и хранения. Считается, что в Новое время под влиянием этого трактата Манасэ До:сан написал свой, «Травы и корни хорошие и запретные» (宜禁本草, «Гикин хондзо:»), год создания неизвестен). Если в XVII в. и лечили с помощью диеты, то обращались именно к трактату До:сан.

Но хотя в трактате До:сан встречаются статьи о лечебных свойствах мяса коршуна, воробья, вороны, о прочих животных и растениях, встречающихся в диете Тикусай, сифилис в этих статьях не упоминается. Тот факт, что все перечисленные Тикусай животные и растения встречаются в трактате До:сан, говорит о том, что список, составленный автором от лица Тикусай, — не вымышленный, иными словами, герой опирался на медицинские трактаты при формировании диеты для пациента, страдавшего от сифилиса. И все же само слово «сифилис» (просторечное *касакэ* 瘡氣 или научное наименование, пришедшее из китайских трактатов, *ё:байсо*: 楊梅瘡) в тексте не встречается, а потому стоит обратить внимание на бытование сифилиса как болезни в Японии раннего Нового времени.

Самым обширным текстом, посвященным известным на то время болезням, их диагностированию и лечению, является восьмитомный трактат «Сборник наставлений» Манасэ До:сан 1571 г. (啓迪集, «Кэйтэкисю:»). Собрав и классифицировав шестьдесят четыре китайских трактата о медицине Древности и Средневековья, Манасэ составил полноценный каталог болезней, в число которых попал и сифилис. Опираясь на два китайских текста 1530-х гг., «Рецепты создания чудодейственных лекарств» (惠劑方, «Хуэй цзи фан»), Ван Юн-фу (王永輔, годы жизни неизвестны), и «Споры и сомнения вокруг всевозможных болезней» (諸症弁疑, «Чжу чжэн бянь и»), У Цю (吳球, годы жизни неизвестны), До:сан сообщает, что сифилис-*ё:байсо*: распространился недавно (считался в Японии болезнью, привезенной из Китая); до сих пор бушует в Японии; в миру от него лечатся так же, как и от проказы; неумелые же врачи, стремясь добиться скорейшего выздоровления больного, используют в качестве лекарств ртуть, свинцовый сурик и мускус; ни в каких медицинских трактатах нельзя найти действенного способа лечения, однако есть предание о том, что Чжу Чжэнь-хэню как-то удалось вылечить эту болезнь [Matsumoto, 2009, p. 5—6]. Учитывая, что записи опираются на китайские тексты, доподлинно неизвестно, до какой степени японские врачи того времени, включая До:сан, были осведомлены об этой болезни, встречались с ней в своей практике. В историческом сочинении «Записи о нынешнем» (当代記, «То:дайки»), скомпилированном в эпоху Канъэй (1624—1644 гг.), встречается запись о том, как три именитых врача, включая До:сан, пытались излечить от сифилиса-*ё:байсо*: второго сына Токугава Иэясу, Ю:ки Хидэясу (結城秀康 1574—1607), однако потерпели неудачу, и Хидэясу скончался¹ [Matsumoto, 2009, p. 5—6, с. 8]. Это единственное упоминание о встрече «До:сан» с сифилисом, однако стоит отметить, что под «До:сан» здесь имеется в виду его ученик, Манасэ

¹ Случай с Ю:ки Хидэясу демонстрирует, насколько широко сифилис был распространен в Японии начала семнадцатого века. Считается, что сифилис попал в Японию в 1510-х гг.: первая экспедиция Васко да Гама 1497 г. в Индию принесла изначально европейское заболевание сначала в Индию, а позже и в Китай. Королевство Рюкю, активно торговавшее с Минским Китаем, вместе с китайским товаром завезло в свои порты и сифилис, который позже, в процессе торговли с Японией, был передан на японские острова. Иными словами, к моменту смерти Ю:ки Хидэясу болезнь уже более века буйствовала в Японии. Традиционная медицина не могла справиться с излечением сифилиса, сверх того, японцы и не думали сепарировать больных от людей здоровых, отчего настоящее избавление от сифилиса Япония обрела только в десятые годы двадцатого века: в 1910 г. немецкий химик Пауль Эрлих (1854—1915) и японский ученый Хата Сахатино (1873—1938) изобрели сальварсан, лекарство от сифилиса [Sakai 2025, p. 138—143].

Гэнсаку, ибо Манасэ До:сан, умерший в 1594 г., не мог принимать участия в лечении Хидэясу. Называть наследника школы по имени учителя — частая практика в японской традиции.

В том же трактате «*Кэйтэкисю*:», в разделе «Нарывы и опухоли» приводится диета для заболевших кожными болезнями: «Нельзя употреблять сырую лапшу, печеное, жареное, вареное, приготовленное на пару, вымоченное в соли, приготовленный по-заведенному алкоголь, а еще жирную говядину, баранину, все виды курицы, насекомых и рыбу» [Matsumoto, 2009, p. 6]. Не до конца понятно, причислялся ли сифилис к кожным болезням, более того, были ли вообще известны его симптомы, однако диета эта практически полностью противоположна тому, что Тикусай прописал страдающему от сифилиса больному; видимо, сифилис считался именно кожной болезнью. Тикусай перечисляет исключительно мясные блюда, что, с одной стороны, связывает его с медициной школы Манасэ, с другой — представляет как незадачливого врача этого направления, полностью перепутавшего рецепты.

Заметим здесь, что изначальная версия фрагмента о сифилисе концентрировалась именно на несоответствии способов лечения Тикусай и методов, предписанных школой Манасэ. По-настоящему оценить этот фрагмент могли только люди знающие, знакомые с медициной того времени, читавшие трактаты До:сан. Это, в свою очередь, указывает на адресата текста «*Тикусай-моногатари*»: скорее всего, это были люди из круга Томияма До:я или Манасэ Гэнсаку, разбиравшиеся в медицине. Круг этот, думается, был далеко не узкопрофессиональным, в него входили и люди, интересовавшиеся медициной. Известно, что к Манасэ До:сан на утренние лекции по медицине каждый день ходило по сто человек [Fukuda 2016, p. 147]. Видимо, лекции До:сан были настолько популярны, что позже стали поводом для шуток: в сборнике *сэцува* периода Гэнна «Веселые речи духу на потребу» (戯言養気集, «*Гигэн ё:ки сю*:»), встречается следующий диалог Манасэ До:сан и Сатомура Дзё:ха.

Давным-давно До:сан Иккэй на своих лекциях толковал медицинские тексты, и собиралось послушать его каждое утро человек сто. Среди собравшихся было много и тех, кому было лет пятнадцать-шестнадцать-семнадцать-восемнадцать, и как это увидел почтенный Дзё:ха-хоккё:, так слезы полились у него из глаз, он посмотрел еще и ушел. Позже он встретился с До:сан: «Что же это такое, среди твоих учеников так много тех, кому еще нет и двадцати, слез не сосчитаешь, точно при виде ящичка для письма, где кисти разлучены друг с другом», сказал так, на что тот ему ответил: «Да, все именно так. Нынешняя молодежь уж очень любит учиться». «Нет-нет, я не про это. Одна мысль о том, сколько эти юнцы убивают людей своей медициной, вызывает у меня слезы». Суйтикуин [До:сан] развеселился и сказал: «До чего же я завидую твоему искусству. И правда, разве можно убить человека стихами *рэнга*?» [Fukuda 2016, p. 147—148].

Думается, врачи времен Манасэ До:сан и Манасэ Гэнсаку воспринимали термины *касакаэ* и *ё:байсо*: как не связанные между собою. Манасэ До:сан в своих трактатах, безусловно, писал о сифилисе-*ё:байсо*:, но признаки этой болезни и методы ее лечения заимствовал из куда более ранних китайских трактатов эпохи Сун (например, текст «Сущность диагностики и лечения внешних болезней» «Вайкэ Цзиньяо»

(外科精要 1236 г.) врача Чэнь Цзы-мина (陳自明, 1190—1270-е гг.) использован в «Кэйтэкисю:» в разделе про оспу главы «Нарывы и опухоли» (できもの・はれもの, «Дэкимоно, харэмоно»). Более того, не обнаружено свидетельств тому, чтобы До:сан когда-либо встречался с больными сифилисом. Если не принимать во внимание запись из «То:дайки», это же можно сказать и о Манасэ Гэнсаку.

В двадцать четвертом году Ваньли (万曆, 1596 г.) в Китае был создан текст, пересматривающий основные положения китайской медицины, — трактат «Компендиум лекарственных веществ» (本草綱目, «Бэньцао ганму»). Его автор Ли Ши-чжэнь (李時珍, 1518—1593), в частности, описал действенный способ лечения сифилиса — болезнь уже какое-то время бушевала в Китае, а потому поиски лекарства были начаты значительно раньше, чем в Японии. В четвертом свитке есть глава о *э:байсо:*, где приведено более пятидесяти лекарств для излечения сифилиса. Основным считался гриб пахима, или *ту-фулин* (土茯苓), подземный гриб, растущий на корнях сосен. Это было новшество в мире медицины, ибо раньше этот гриб не предлагался для излечения сифилиса [Matsumoto 2009, p. 11—12]. В восемнадцатом свитке, разделе о грибе *ту-фулин*, описаны подробно и признаки сифилиса (а вместе с тем и конкретные диетические запреты: на мясные блюда, алкоголь, труд и женщин). Однако преимущественно эти предписания совпадали с теми, что были описаны Чэнь Цзы-мином тремя веками ранее, а соответственно, и с тем, что описал Манасэ До:сан в «Кэйтэкисю:». Совпадение это, отметим, произошло не потому, что Ли Ши-чжэнь скопировал более ранний и авторитетный текст Чэнь Цзы-мина, а потому, что ему удалось поработать с больными, страдавшими от сифилиса, и проверить на практике действенность диеты. То есть никогда не видевший сифилиса Манасэ До:сан, вторя трактату трехвековой давности, сам того не зная, оказался прав — по меркам китайской медицины конца XVI в. — в выборе диеты.

Текст «Бэньцао ганму» впервые привезли в Японию в 1607 г. на торговом судне в Нагасаки. На него обратил внимание Хаяси Радзан (1583—1657), известный неоконфуцианец начала эпохи Эдо. Приобретя его для себя, он позже преподнес трактат Токугава Иэясу в качестве подарка. Текст настолько понравился Иэясу, что позже его отослали ко двору Токугава Хидэтада, где сделали несколько копий. И как раз в это время, в 1608 г., Манасэ Гэнсаку прибыл в ставку Токугава для принятия родов у восьмой жены Токугава Хидэтада. Доподлинно известно, что тогда он и познакомился с этим текстом, на основе которого позже составил два своих трактата, «Лечебные свойства ядов» (藥性能毒, «Якусэй но:доку»), и «Пищевые свойства ядов» (食性能毒, «Сёкусэй но:доку»). В этих текстах нет ни одной статьи, посвященной лечению сифилиса-касакаэ, а потому не до конца понятно, определял ли Гэнсаку сифилис-*э:байсо:* и сифилис-касакаэ как одну и ту же болезнь. В трактате 1638 г. издания «Хризантема чудесного аромата» (衆方規矩, «Сю:хо:кику») (думается, имеется в виду 衆芳菊), написанном изначально Манасэ До:сан, позже отредактированном Манасэ Гэнсаку и неоднократно переиздававшемся на протяжении всей эпохи Эдо с дополнениями и исправлениями, читаем две статьи, посвященные разным отварам: «Отвар “девяти узоров”»: вывести сифилис-касакаэ из организма непросто, но если использовать этот отвар, то сифилис выйдет полностью, или же можно избавиться от него внутри организма путем изменения дозы... Порошок, “ограждающий от болезней и дарующий святость”: людям, долгое время страдающим от чесотки, сифилиса-*э:байсо:* или про-

казы, стоит применить этот отвар, и болезни не станет» [Matsumoto 2009, p. 9—10]. Заметно, что термины *касакаэ* и *ё:байсо:* здесь использованы так, словно бы указывают на две разные болезни, отчего я все же склонен полагать, что ни Манасэ До:сан, ни Манасэ Гэнсаку этих терминов не сопоставляли.

Более того, в популярных собраниях юмористических песен второй половины XVII в., пародировавших статьи различных медицинских трактатов, встречается только слово *касакаэ*, то есть в массовой эдоской культуре отождествления *ё:байсо:*, научного китайского термина, и *касакаэ*, просторечного устаревшего термина, также не наблюдалось. Только с конца XVII в. термины *касакаэ* и *ё:байсо:* будут указывать на одну болезнь — сифилис [Matsumoto 2009, с. 7—8].

Далее, «*Бэньцао ганму*», как и предшествующие ему медицинские трактаты, концентрируют свое внимание на том, что нельзя употреблять при той или иной болезни (в том числе при сифилисе). Однако нигде не было написано, что можно употреблять при сифилисе. Этого врачи начала эпохи Эдо еще не успели установить. Первое упоминание о том, что при сифилисе можно употреблять водоросли-комбу, относится к 1656 г. [Matsumoto 2009, с. 13]. Таким образом, описания, посвященные сифилису, в «Тикусай-моногатари» были смешны тогдашнему читателю именно потому, что Тикусай вдруг предложил разрешенный список продуктов при сифилисе, чего ни один тогдашний врач прописать не мог. Тикусай не путает способ лечения сифилиса-*касакаэ*, как если бы он явно существовал для врачей его времени, но предлагает вдруг решение проблемы сифилиса самым радикальным способом: следовать предписаниям школы Манасэ, хотя и прямо противоположным способом. Думается, что именно в этом и заключалась смеховая составляющая фрагмента о сифилисе. Для понимания этого фрагмента требовались глубокие познания в медицине, чего от массового читателя, к кому было обращено ксилографическое издание, в том числе 1630-х гг., требовать было нельзя. Для этого издатель и добавил в конец списка глаза *каминари*, вши отшельника и соленого *тэнгу*, чтобы однозначно маркировать предложенный Тикусай список как смешной.

Сверх того, Тикусай здесь может выступать и как образ неумелых врачей начала XVII в. вообще, тех, кто не был знаком с недавно прибывшими в Японию китайскими трактатами, не знал научной терминологии и лечил по старому, изложенному еще Манасэ До:сан, образцу. На это указывает употребление Тикусай слова *касакаэ*, а не *ё:байсо:*. Однако это справедливо только в том случае, если врачи начала XVII в. понимали, что два этих термина указывают на одну и ту же болезнь.

Подытожим эту часть. Медицина школы Манасэ основывалась на наблюдении за реальными больными и ходом их болезни. Но врачам не хватало опыта для излечения больных, а потому они следовали китайским трактатам. Но следование и китайским трактатам, и японским не могло спасти больного, если информация в этих трактатах была недостаточной или не до конца проверенной. Известно, что гриб *ту-фулин* далеко не всегда помогал при сифилисе¹, как и запретительная диета, а потому упорст-

¹ Уже в трактатах второй половины XVII в. указывалось, что гриб *ту-фулин* не растет в Японии и от сифилиса помогает далеко не всегда. Его неэффективность косвенно подтверждается и более поздними медицинскими трактатами, описывавшими лечение сифилиса. Цитируем «Лечебное благоухание хризантемы» (医療衆芳規矩, «*Ирё:сю:хо:кику*», 1800 г.), дополненный и исправленный

во приверженцев школы Манасэ следовать букве трактата и высмеивалось Томиама До:я во фрагменте с сифилисом. Более того, Тикусай воплощал и не знакомых с новейшей китайской и японской медициной неумелых врачей, лечивших больных старыми, «до:сановскими» методами. Думается, что одними из первых читателей *«Тикусай-моногатари»* были врачи, понимавшие, что же хотел сказать Томиама До:я. Может быть, круг понимающих включал в себя и юных учеников Манасэ До:сан, приходивших на его лекции по толкованию медицинских текстов. Однако по прошествии двенадцати лет, в 1635 г., текст *«Тикусай-моногатари»*, ставший достоянием уже массового читателя, был переписан и упрощен, чтобы и простой человек мог найти для себя что-то смешное в подобных фрагментах.

Удача как основополагающий фактор новой японской медицины

Обозначенные выше мотивы можно обнаружить и в других нагойских фрагментах. Проанализируем их последовательно.

В первом фрагменте пациент болен лихорадкой. Тикусай спрашивает пациента про болезнь, после чего сверяется с пульсом. Сцена эта безусловно комична тем, что Тикусай притворяется, будто бы все, о чем говорит пациент, он смог понять сам по его пульсу:

Тикусай проверил пульс больного. «Нет ли у вас жара?», — спросил он самурая. «Есть», — ответил тот. «Так я и думал», — сказал Тикусай, после чего подпрыгнул от радости, ведь его предположения оказались верны. «Не болит ли у вас голова?», — спросил он. «Виски болят», — был ответ. «Так я и думал», — сделал Тикусай самодовольное лицо. «А нет ли у вас глистов?» — «Как же, всегда были.» — «В них-то и проблема», — сказал Тикусай с видом, будто ему уже все понятно и он готов приступить к лечению.

Такой метод диагностики назывался по-японски «вопрошанием пульса» (問脈, *тоимяку*). Это одна из «четырех мудростей» (四知, *сити*), коими должны были обладать врачи. В сборнике наставлений рода Манасэ *«Киригами»* (切紙) сказано: «Четыре мудрости суть дух, когда по цвету определяешь болезнь, святость, когда по голосу определяешь болезнь, умение, когда, задав вопросы пациенту, определяешь болезнь, искусство, когда, осмотрев пульс больного, определяешь болезнь» [Fukuda 2016, p. 140]. В сборнике *«Сэйсуйсё:»* встречаем рассказ на похожую тему:

Бывают врачи, не различающие пульс — плавающий ли он, средний или тонущий, и не слышавшие даже о семи сторонах, восьми изнанках, девяти путях и двадцати четырех названиях. Пощупают пульс у больного, а после спросят: «Не отзывается ли болью в груди?». «Как же, как же, болит». «Так и есть, пульс ваш о

вариант «Хризантемы чудесного аромата» 1638 г.: «Для излечения сифилиса годится напиток “пульсирующая ци” из 24 ингредиентов, отвар “в поисках ветра”, выводящий токсины из тела, порошок, “обновляющий кожу”, устраняющий все токсины в теле, отвар из “шести вещей”, выводящий токсины из тела, пилюля “пять сокровищ Тунсянь”, порошок из оленьих рогов, благовония по назначению врача, пилюля из “молодой листвы”» [Matsumoto, 2009, p.9]. Приведенный способ лечения сифилиса полностью отличается от тех, что были описаны в трактатах рубежа XVI—XVII вв.

том и говорит. А ноги у вас не мерзнут?». «Нет, в тепле». «Так и есть, это по пульсу и видно. А головных болей не бывает?». «Нет, не бывает». «Так и есть, все с пульсом вашим соотносится». Есть врачи, придерживающиеся и таких методов. А как сами сделаются больными, в иной раз и лекарства не попросят [Matsumoto 2009, p. 23—24].

Юмор этого фрагмента строится на том, что врач якобы по пульсу в состоянии определить не только те симптомы, которые у больного есть, но и те, которых у него нет. Схожий фрагмент из «Тикусай-моногатари» напоминает рассказ из «Сэйсуйсё:», с тем лишь отличием, что пациент Тикусай не дает отрицательных ответов. Сходство это не случайно: известно, что в версии 1635 г. этот фрагмент был незначительно переписан, юмор же в версии 1623 г. основывался на другом.

Последний вопрос Тикусай изначально звучал так: «Нет ли у вас глистов?» (虫はなきか, *муси ва наки ка*), на что следовал ответ: «Вечно у меня в груди чего-то там скребет» (つねづね胸虫あり, *цунэ-дзунэ мунэмуси ари*), что также можно понять как «вечно меня все раздражает». Видимо, пациент имел в виду «глистов раздражительности» (癩の虫, *кан-но муси*), которые, как считалось, являются причиной истерического поведения детей. Впрочем, на взрослых это описание также распространялось. Тикусай же спрашивает пациента о глистах. Иными словами, хоть Тикусай и пациент говорят о совершенно разных вещах, им удается достичь взаимопонимания и построить на этом диалог. Безусловно, чтобы понять тонкость этого фрагмента, нужно было обладать медицинскими познаниями, которых издатель, переписавший текст «Тикусай-моногатари» в 1635 г., от читателя не ждал и текст заведомо упростил, приблизив его к фрагменту из «Сэйсуйсё:».

Понимание того, что подразумевалось изначально, раскрывает значение стихотворения, встречающегося в том же фрагменте:

Среди врачей
Нет хороших или плохих.
Есть только те,
Кому свыше благоволят,
Кто оказался в нужное время в нужном месте.

Примечательно, что стихотворение это сочиняет пациент, а не врач, иными словами, до определенной степени здесь отражено восприятие врачей теми, кого лечили, но не теми, кто лечил. Нет тех, кто освоил доктрину школы Манасэ лучше или хуже, есть лишь врачи, кому повезло или не повезло вылечить больного, что отвечает революционному духу новой японской медицины. В первом фрагменте Тикусай повезло найти общий язык с больным, разговаривая с ним при этом о совершенно разном.

Во втором фрагменте кузнецу попал в глаз осколок металла.

А еще был один кузнец, которому в глаз попал осколок железа, отчего тот опух. Такада и Масима некогда пытались излечить эту болезнь, но толку не было. Тикусай увидел это и сказал: «Все ясно», и ничего не проверяя, смешал мазь *курояки* с толчеными рисовыми зернами и приложил компресс с этой смесью к глазу. «По прошествии трех дней можете снимать. Глаз должен более-менее зажить», — любезно сказал Тикусай, а как три дня прошло, кузнец снял повязку, и

глаз снова ясно видел. Пораженный чудодейственностью лекарства он спросил: «Что же это за лекарство?», «Это камень с горы Гисяку-сан, что на границе Китая и Японии. Как-то в древности один человек, имевший при себе меч, проходил у подножия этой горы, как вдруг она его поглотила. Уж коли та гора была способна поглощать людей, проходивших мимо, почему же камень с той горы не подействует на маленький осколок железа, попавший к вам в глаз?» — объяснил Тикусай. «До чего же сообразителен Тикусай», — подумал кузнец, и не было такого, кто бы не вознес ему хвалы.

В начале фрагмента упоминаются Такада (高田) и Масима (馬島), монахи, специализировавшиеся на лечении глазных болезней. В «*Нихон котэн бунгаку тайкэй*» сказано о них так: Такада — общее название для монахов храма Ко:дэндзи монастыря Такададзи, находившегося на территории современной префектуры Айти в уезде Ниси-касуга. Из поколения в поколение монахи передавали друг другу тонкости лечения глазных болезней. Масима: считается, что наиболее древний способ лечения глазных болезней появился среди и распространялся монахами храма Ио:сан-Якусидзи (医王山薬師寺), находившегося на территории современной префектуры Айти. Ныне этот храм известен под названием Мё:гэньин (明眼院) [Chikusai monogatari 1969, p. 138]. Фукуда Ясунори указывает, что Такада и Масима здесь — соперники врачей школы Манасэ, отчего Томияма До:я, принадлежавший к этой школе, начал фрагмент именно с описания неудачи своих оппонентов [Fukuda 2016, p. 141].

С филологической точки зрения центральным, структурообразующим элементом каждого нагойского фрагмента является конечная шутка, связанная с цитированием несвязанных с медициной текстов. Словно бы автор сначала отбирал историю, на которую будет ссылаться, после чего придумывал к ней болезнь. Однако описанные Томияма До:я методы лечения часто встречаются в медицинских трактатах того времени, отчего первостепенной задачей автора было придумать то, каким образом Тикусай нарушит предписания трактатов, в каком месте он перепутает «принцип» (理, *ри*) предписанного лечения. Эта мысль подтверждается и анализом второго нагойского фрагмента. В «Тайном учении о резаных ранах» (金創秘伝, «*Кинсо: хидэн*»), написанном Асами Кэйсай (浅見恂斎, годы жизни неизвестны) в 1578 г., встречается следующий пассаж:

Правую половину [некоего ингредиента] раздробите в порошок, перемешайте ее с *рисовым клеем* и нанесите на рану. Также разложите молодую листву и сделайте из нее мазь *курояки*, после чего замесите ее с рисовым уксусом и нанесите поверх раны. Если клинок вошел непрочно, смешайте разбавленный рисовый клей с дыней, закрутите получившееся в шарик и вложите в рану. Если же рана была от наконечника стрелы, *разделите магнит надвое* и добавьте в получившееся лекарство [Matsumoto 2009, p. 29—30].

Описанный выше метод подходил для излечения ран от стрел, Тикусай же применяет этот рецепт для излечения глаза, в какой попал осколок железа. Безусловно, ошибка Тикусай здесь состоит в том, что он избрал лечение не для той болезни, полагаясь лишь на общий принцип — как излечить резаную рану от пронзившего тело

железного орудия. Примечательно, что Тикусай не обращается к магистральному тексту школы Манасэ, «Сборнику наставлений» Манасэ До:сан, в котором было сказано: «Если железный осколок не выходит, смажьте его мышшиной печенью (мышшиной мозг также сгодится), после чего он выйдет». Иными словами, Тикусай — образ неудавшегося врача школы Манасэ, который, не освоив ее учения, обращается к другим медицинским школам, дабы излечить больного.

Мацумото Кэн предлагает другой взгляд на этот фрагмент [Matsumoto 2009, p. 25—31]. В конце него Тикусай упоминает список текстов, какие он изучал в молодости.

Тикусай был польщен, с важным видом он сказал: «В молодости я отдавал себя учебе, как и многие. Много же прочитал я трактатов по медицине. Сперва я осилил «Великое собрание трудов», «Канон пульса», «Трактат о целебных свойствах ядов», «Трактат о круговороте жизненной энергии», «Введение к трактату о целебных травах», «Канон о трудном», трактат о «Выздоровлении от всех болезней», «Медицинский канон», «Диалоги о медицине», «Трактат Хуанди о внутреннем, вопросы о простейшем», «Канон таинственной сути», всевозможные книги по фармацевтике, «Избранные главы, посвященные медицине», «Трактат об истоках», ночами ветренными и безветренными, ночами дождливыми и тихими лампа моя все время была подвешена, и я, не давая отдыха глазам, учился изо всех сил, но что толку от шелеста страниц, коли тело мое покрыто рваной бумагой».

Тикусай не упоминает «Тайного учения о резаных ранах», ибо текст этот был секретный, недоступный широкому читателю, отчего ни Тикусай, ни сам Томияма До:я его, скорее всего, не читали. Сходство методов, описанных в «Тикусай-моногатари» и «Тайном учении о резаных ранах», указывает на обратное: высока вероятность того, что Томияма До:я этот текст видел. Однако Тикусай его не упоминает, отчего мы исходим из того, что Тикусай его все же не видел. Из приведенного им списка только «всевозможные книги по фармацевтике» затрагивали хирургическое вмешательство в тело человека. В относившемся к этой группе текстов «*Бэньцао ганму*» есть цитата из «Солнечного блеска всевозможных учений, собранных в травниках» (日華諸家本草, «*Жихуа чжуцзя бэньцао*»), где сказано: «Магнит надобно измельчить и раздробить, после чего дать проглотить, не причиняя тем самым вреда мышечной ткани». Встречается там же и цитата из «Прошедшийся по Китаю гребень министра Цянь» (錢相公篋中方, «*Цянь сянгун би чжунфан*»): «В магните надобно проделать отверстие, протянуть через него нитку, после чего дать его проглотить и потянуть за нить обратно». Выходит, что Тикусай, усвоив общий принцип действия магнита, на основе этих фрагментов изобрел свой способ по извлечению осколка железа из глаза кузнеца. В конечном счете неизвестно, помогло ли пациенту именно лечение Тикусай. Все-таки между лечением и результатом прошло три дня, отчего рана могла зажить сама собой. Важно, что Тикусай повезло вылечить больного, как повезло и во время разговора с первым больным. В этом характеристика врачей Нового времени: то, что в стихотворении, сочиненном первым больным, переведено как «...есть только те, ... кто оказался в нужное время в нужном месте», передается японски словосочетанием «сиюминутное, преходящее счастье» (時の仕合わせ, *токи-*

но *сиавасэ*). По мнению Мацумото, врачи того времени полагались на случайный успех, он их и возносил, и сбрасывал вниз.

В третьем фрагменте пациент упал с лошади.

А как-то один человек упал с лошади и пришел на прием к Тикусай, и тот спросил: «Сколько раз вы падали с лошади?». «Вчера днем, возвращаясь из деревни, я упал пять или шесть раз.» «Все ясно», — ответил Тикусай и, накрыв больного одеялом и хлопковыми одеждами, уложил его спать: «А теперь спите, спите». Но боль не давала ему спать, отчего он спросил: «Да что же это за лечение такое?». «Такого рода болезнь существует издавна», — *после чего достал из-за пазухи текст пьесы «Удзи Ёримаса*». «Глядите же, люди! Написано: «Принц изволил упасть с лошади аж шесть раз, отчего занемог. А причиной тому послужило то, что прошлой ночью он не спал». Разъяснение этому можно найти в этой медицинской книге: летом некоторого года периода Дзисё: Гэнсанъи Ёримаса поднял злостный мятеж, и Принц, также известный под именем Такакура-но ин, принял участие в сражении, и был побежден, а раз дело было в том, что он не спал прошлой ночью, по этой же причине я и укладываю спать вас. *Кроме как по медицинским трактатам, я бы не стал лечить вас никак*», — сказал Тикусай. Люди, бывшие неподалеку, были впечатлены, аплодировали Тикусай. «Раз он настолько разбирается в вещах, то и в медицине непременно знает толк», — поговаривали они.

Из рассмотренных до этого фрагментов этот ближе всего к пародии. Наглядно видно, что рассказ здесь разворачивается «с конца»: Томияма До:я сначала вспомнил текст пьесы «*Удзи Ёримаса*», после чего на его основе сочинил похожую историю о пациенте. Юмор медицинских фрагментов «*Тикусай-моногатари*» подчиняется той логике, что прослежена в статье Л.С. Выготского о рассказе «Легкое дыхание» И.А. Бунина [Выготский 2001, с. 435—455]. Один из приемов построения художественного текста состоит в преобразовании подачи фабулы настолько, что и простая, безынтeресная история вызывает эмоцию у читателя. Это же справедливо и для юмористического текста: если бы цитаты из пьес театра Но: в «*Тикусай-моногатари*» шли в начале истории, то ассоциативная связь с описанием больного, более того, механизм создания этой истории были бы обнажены. Однако перемена мест слагаемых в рассказе позволяет читателю расценить цитату из пьес театра Но: как удачную находку Тикусай, указывающую на его остроумие и начитанность. Вместе с тем это и сосредоточение «смешного» в этом фрагменте, ибо никакой врач не станет выстраивать свое лечение на основе художественного текста, не имеющего отношения к медицине.

Интересен этот фрагмент и признанием Тикусай в том, что больных он лечит исключительно по медицинским трактатам. Эту фразу, как стало ясно из анализа предыдущих фрагментов, можно воспринимать двояко. В первую очередь в ней заложена ирония, ибо по контексту Тикусай именуется медицинскими трактатами пьесы, что изобличает его как «неумелого врача». С другой стороны, следовать медицинским трактатам было одним из основных положений школы Манасэ, что раскрывает принадлежность самого Тикусай к этой школе. Эта же фраза может быть интерпретирована двояко: раз врачи лечат только по трактатам, то медицинские неудачи стоит

приписывать или низкому качеству трактатов, или неопытности самих врачей, не сумевших трактатом воспользоваться. Согласно «Тикусай-моногатари», обе интерпретации справедливы.

На примере этого же фрагмента видно, на чем основан юмор большинства медицинских фрагментов «Тикусай-моногатари». Лечение любой болезни основано на прецеденте. Если прецедентов собирается много, их опыт обобщается в правило, предписание. В случае, если прецедентов недостает или не существует вовсе, врач выбирает схожий прецедент и на его основе старается изобрести свое лечение. Особенность Тикусай как врача состоит в том, что он слишком вольно обходится с выбором прецедента или зачастую лечит не саму болезнь, но ее причину. Человек упал с лошади — лечить нужно ушибы или ссадины, но Тикусай, игнорируя сами травмы, обращается к тому, что, по аналогии с Такакура-но ин, считает их причиной, — недосып, из-за чего пытается уложить человека спать. Именно поэтому в конце люди называют Тикусай знающим человеком: он не проявил врачебного таланта, но лишь показал большую начитанность. Это описание применимо почти ко всем фрагментам «Тикусай-моногатари». Лечение полагается преимущественно на удачу: для нас в конечном счете не важно, отсылает ли Тикусай к своему личному опыту, как было в первом фрагменте, или ссылается на литературные тексты под видом медицинских трактатов, — все это в конечном счете показывает состояние японской медицины начала XVII в. Не хватает ни врачей с достаточным опытом, ни актуальных трактатов, которые могли бы помочь излечить современные Тикусай болезни.

Пятый фрагмент, посвященный приготовлению лекарства и побегу Тикусай из дома больного, интересен двумя аспектами. Первый аспект — юмористический, здесь вновь проявляется правило, сформулированное выше: Тикусай предлагает добавить кусочек маринованного баклажана в лекарство, чтобы сбить жар больному.

И снова не извлек Тикусай никакого урока, как вдруг с одним человеком случилась лихорадка. Собрались первоклассные врачи и стали вместе готовить лекарство. Тикусай тоже включился в обсуждение и сказал: «Когда не удастся сбить жар, стоит добавить в лекарство кусочек маринованного баклажана». «Какой необычный ингредиент. Почему именно он?» — спросили его, «Если в закипевшую воду, в которой варится рис, добавить кусочек маринованного баклажана, то бульон тут же остынет», — на что все рассмеялись.

Сюжет о маринованном баклажане можно назвать ходячим для того времени. Во втором свитке сборника «Сэйсуйсё:» встречаем похожий рассказ «Болван»:

Залезая в ванну, человек сказал: «Невыносимо горячо! Быстрее, принесите каких-нибудь солений». Его спросили: «А это еще зачем?», на что он ответил: «Когда вода от риса горяча, туда стоит добавить чего-нибудь маринованного, и бульон стынет» [Matsumoto 2009, p. 35].

Тикусай взял за основу лечения тот единственный факт, что баклажан способен понизить температуру, детали же — температура то бульона или больного — его интересуют меньше.

Вторая часть этого фрагмента озаглавлена бегством Тикусай из дома больного, как только тот услышал о приезде придворного лекаря. В тексте это обыграно так,

словно бы Тикусай стыдится встречи с врачом более знаменитым и богатым. Титул придворного лекаря в тексте передан как *хо:ин хо:ган* (法印法眼), так именовали только врачей, приближенных к императору, в том числе Манасэ До:сан и Манасэ Гэнсаку. В силу этого думается, что реальная причина бегства Тикусай состоит в нежелании встретиться со своим учителем из школы Манасэ, заветам которой он упорно не следует.

Последний фрагмент, который мы рассмотрим, посвящен мальчику, утонувшему в колодце.

А как-то ребенок некоего человека упал на дно колодца. «А давайте так», «Нет-нет, лучше так», — совсем не знали, что поделать. А в это время Тикусай как раз проходил мимо того дома, а как спросил, в чем дело, ему рассказали, как все было. Тикусай подошел к колодцу и сказал: «Я вытащу его». Он прилепил пластырь к двери и накрыл ею колодец. «Сейчас его присосет. Подождите», — хоть и сказал так, но с чего бы ребенку от этого подняться? Прошло сколько-то времени, и ребенок умер.

Тикусай использует здесь пластырь от гнойников, о присасывающих свойствах которого было написано в предыдущем фрагменте — там слива застряла в горле у женщины. Однако почему вдруг Тикусай решил, что тот же самый пластырь сможет поднять ребенка со дна колодца? У Манасэ До:сан есть тайный текст, посвященный свойствам присасывающего пластыря: «Записи из драгоценной кладовой, полной лазурита» (瑠璃宝蔵記, «*Рури хо:дзо:ки*»). В нем, в частности, сказано, что такие пластыри способны *сиси о агэ* (シシを上げ) [Matsumoto 2009, p. 39—40], смысл чего на самом деле неясен. Традиция тайных текстов предполагала не столько изучение самого текста, сколько изучение его трактовки со слов наставника. Нам остается лишь предполагать. Слово *сиси* может означать и «льва» 獅子, и «конечности» 四肢, что подчеркивало бы силу пластыря. Однако Тикусай, видимо, интерпретировал *сиси* как «плоть» 肉, отчего посчитал возможным поднять мальчика со дна колодца одним лишь пластырем. Этот фрагмент раскрывает новый аспект некомпетентности врачей раннего Нового времени — непонимание тайных текстов, а раз понять их можно было только с помощью совместного прочтения с учителем, то это в свою очередь указывает на недостаточную образованность врачей начала XVII в.

Заключение

Нагойские фрагменты «*Тикусай-моногатари*» не стоит расценивать как исключительно смешной текст, посвященный неумелому врачу. В отличие от историй, подобранных в «*Сэйсуйсё*», Тикусай не только терпит неудачи, но и добивается успеха в лечении, иными словами, исполняет свой врачебный долг по существу. Неудачи и удачи, метод проб и ошибок характерен тогдашним врачам вообще, а потому стоит воспринимать Тикусай как пародийное изображение японского врача начала семнадцатого века, придерживавшегося учения Манасэ.

Как следует из статьи, медицинские фрагменты Томияма До:я куда более сложны, чем может показаться на первый взгляд. Для их понимания требовались недюжинные знания медицины, отчего становятся понятными и изменения, произошед-

шие с текстом в 1635 г., направленные на его упрощение, и изначальный круг читателей этого текста. Томияма До:я критикует современную ему медицину, указывая, с одной стороны, на некомпетентность врачей своего времени, с другой — на повсеместное использование неактуальных трактатов, не помогающих излечить болезни.

Библиографический список

Выготский Л.С. «Лёгкое дыхание» / И. А. Бунин: pro et contra; сост. Б.В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов. СПб.: РХГИ, 2001. С. 435—455. 1016 с.

References

Vygotskii, L. S. (2001). «Legkoe dykhanie» [Light Breathing]. In B. V. Averin, D. Riniker, & K. V. Stepanov (Eds.), *I. A. Bunin: pro et contra* (pp. 435—455). Saint Petersburg: RKhGI. (In Russian).

* * *

Chikusai monogatari. (1969). In K. Maeda & T. Morita (Eds.), *Kanazōshi-shū* (pp. 92—159). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Fukuda, Y. (2016). *Igakusho no naka no bungaku* [Literature Within Medical Texts]. Tokyo: Kasama Shoin. (In Japanese).

Matsumoto, K. (2009). *Kanazōshi no monogatari: “Chikusai,” “Ukiyo-monogatari” ron* [Monogatari in the World of Kanazōshi: On “Chikusai Monogatari” and “Ukiyo Monogatari”]. Tokyo: Seisansha. (In Japanese).

Sakai, Shizu. (2025). *Tales of Plague and Pestilence: A History of Disease in Japan*. Tokyo: JPIC.

Поступила в редакцию: 10.06.2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Received: 10 June 2025

Accepted: 23 October 2025